

18+

Андрей Караичев

Наследник Нечисти

Упырь

Андрей Караичев

Наследник нечисти. Упырь

«Издательские решения»

Караичев А.

Наследник нечисти. Упырь / А. Караичев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938432-4

Считаете себя любителем жанра ужасов и мистики?! Восстающих по ночам мертвецов в поисках свежей крови, ведьм, колдунов? Старых погостов и всего необъяснимого? Тогда вы на верном пути! Всё перечисленное читатель найдёт в этом произведении, выполненном с сохранением лучших традиций русской мистики, с правкой на современный лад! Окунитесь в захватывающий сюжет ужасов, колдовства и... необычной любви!

ISBN 978-5-44-938432-4

© Караичев А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Так кончается детство	6
Глава 2. Свадьба – не темница	9
Глава 3. Письмо	15
Глава 4. В пути	19
Глава 5. В деревне	23
Глава 6. Тётя Вера	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Наследник нечисти Упырь

Андрей Караичев

© Андрей Караичев, 2020

ISBN 978-5-4493-8432-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Так кончается детство

Родился я на просторах «Тихого Дона» в маленькой деревушке, которая ничем особенно не отличалась от множества других, находящихся в России; там же провёл всё своё весёлое детство под пристальным надзором бабушки с дедушкой.

Рос я пареньком здоровым, редко болел, был довольно смышлёным, озорным; горазд похулиганить и не очень любил учиться... как большинство моих ровесников.

Зато был трудолюбив и всегда активно помогал своим близким по хозяйству, благодаря чему ни разу в те годы не оказался выпорот могучей рукой своего грозного деда.

Что касается родителей... до четырнадцати лет видел их нечасто. Отец с матерью в годы перестройки перебрались «по лимиту» в Москву и через недолгое время смогли довольно неплохо там устроиться, причём – в бизнесе.

От прав родительских они, конечно, не отказывались; просто посчитали, что для их единственного ребёнка куда лучше до старших классов подрастать в родной деревушке, нежели в огромном, многомиллионном городе. Тем более шли «Лихие 90-е», когда в стране сильно процветал бандитизм.

За это на них никогда не обижался, хотя и скучал по ним сильно... чего таить? Это действительно оказалось разумное решение со стороны родителей. Я благодарен им за то, что навсегда остался доволен своим светлым, счастливым, главное – здоровым детством.

Деревенская «идиллия» закончилась в тринадцать лет, когда при весьма странных обстоятельствах умер мой дед.

Человеком он был достаточно пожилым; правда, только по возрасту: с виду оставался бодр, силён и подвижен настолько, что многие парни могли позавидовать!

Но... в один ненастный и несчастный для меня день, он неожиданно не смог подняться утром с постели. Несколько суток громко стонал, жутко мучился от боли и постоянно почему-то тянул ко мне руку, умоляя попроситься напоследок. Я старался выполнить его просьбу, но ни бабушка, ни соседи, дежурившие над моим стариком, не позволяли и близко к нему подойти. Я ругался, протестовал, не до конца понимая, – «Почему нельзя поддержать по-мужски, за руку, своего умирающего старика?!»

Стоит отметить, что все жители нашей деревни считали дедушку страшным колдуном. Из-за чего, чтобы облегчить его страдания и ускорить процесс ухода в мир иной, следовали народным поверьям: прорубили в комнате умирающего потолок, подняли конёк крыши, тазик поставили под кровать... и так далее.

Для 13-ти летнего парня подобные «процедуры» воспринимались первобытной дикостью, – я считал всё происходящее безумием! А людей, которые вместо того, чтобы дать обезболивающее средство умирающему старику или другие лекарства, применяли различные древние поверья (хоть я родился в деревне, взглядов придерживался более современных с малых годов).

Приходил к нам в избу местный священник, который уговаривал деда облегчить душу, отвернуться от «Лукавого», покаяться в грехах и, – «Постараться всем сердцем и душой, принять Господа Бога нашего и Иисуса Христа! Получив тем самым шанс на проход в «Царствие небесное».

В один из моментов, при разговоре со служителем церкви, беспомощному и обездвиженному старику неожиданно вернулась сила. Он со зловещим воплем, – «Прочь отсюда, рабское тело!», – поднял одной рукой за нижнюю часть ножки стул и с невероятной яростью швырнул его в батюшку.

Священник сумел увернуться и табурет, попав в окно, разнеся вдребезги раму со стёклами, вылетел на соседнюю улицу. Дед снова без сил уронил голову на подушку, а священнослужитель, крестясь, поспешил убраться подальше из нашего дома. После этого он больше не возвращался, хотя, насколько мне известно, его неоднократно об этом просили.

Той же ночью, меня и гостей присутствующих в доме, разбудил оглушительный, нечеловеческий рёв, от которого задрожали стёкла; после, в мою комнату вошла бабушка и сказала, что дед, – «Приказал нам долго жить».

Буквально дня через три после похорон в деревню приехал отец и ничего не объясняя ни мне, ни тоскующей по усопшему мужу бабушке, сказал, что забирает меня с собой в Москву, как выяснилось в итоге – насовсем.

Бабушка старалась меня «отвоевать». Сквозь приоткрытую дверь я подслушивал их разговор.

– Зачем ты его забираешь? Столько лет тебя не было и вдруг приехал, со своими порядками! У ребёнка стресс, он деда потерял, а ты его сразу из родной хаты в вонючий город?

– Мать! – кричал отец, – ты лучше меня знаешь, зачем я это делаю! Надеюсь, вы не дали старику попрощаться за ручку с Сашей?

– Конечно, нет! Что ты такое говоришь?! Мал он ещё для этого! Подрастёт, тогда сам решит: что и как ему делать.

– Чёрта с два! Деревни он больше не увидит и обо всей этой чертовщине не узнает! Хватит того, что вы мне всю жизнь чуть не испоганили! Вовремя ноги унёс от вас. А сына я тебе не отдам! Вот вам, – отец скрутил дулю (это я смог чётко рассмотреть сквозь дверную щель), – в Москву он едет и точка.

– Ты отец, – выдохнула старушка, – тебе решать.

Когда их спор наконец-то закончился, папа сразу взял меня за руку и посадил в машину; я понял, – он торопился уехать из деревни до наступления темноты.

Почему отец так поступил и забрал меня с такой спешкой, – пойму лишь десять лет спустя.

Разумеется, я тосковал из-за смерти деда, но в то же время очень радовался тому, что отец приехал за мной: во-первых, как я уже говорил, – сильно скучал по родителям; а теперь, предстояло жить с ними постоянно. Во-вторых, – знаете, в таком, «нежном» возрасте, очень неуютно находиться в доме, где недавно умер человек; даже страшно! Жутко до дрожи... особенно если оставался в избе один!

Отец, когда ехали с ним в машине, пытался всячески меня развеселить, поговорить, утешить и в конце концов объяснить, – почему забирает из родного села.

– Понимаешь Сань, – оправдывался он, – раньше не было возможности тебя увезти к нам, теперь есть. Дед тем более умер, бабушке одной сложно за тобой следить будет. Образование опять же, тебе нужно хорошее, а деревня наша вымирает потихоньку. Сам видишь, – отец махнул рукой в сторону удаляющихся избышек, – глупо это отрицать. Есть и другие причины, по которым тебе не стоит оставаться здесь больше. Вырастишь, поймёшь меня.

– Не надо пап, я всё понимаю, чего ты как с маленьким?

– Сразу видно, – он потрепал меня за щёку, – мой сын! Только пообещай одно: ни при каких обстоятельствах и никогда, подчёркиваю, – никогда! Не возвращайся в нашу деревню, как сильно бы тебе этого не хотелось. Не спрашивай, почему и зачем... я обещаю, когда-нибудь всё расскажу, но... потом. А сейчас просто, – пообещай мне.

– Обещаю. – Ответил я, незаметно скрестив пальцы под сиденьем.

– Вот и славно! Что ж сынок, Москва нас ждёт и мамка твоя тоже!

Удивительно, но к новому дому я привык очень быстро.

У меня не возникало никаких фобий или стрессов, связанных с резкой сменой окружающей обстановки; я совсем не испугался большого города, хотя в Москве до этого ни разу не появлялся... вообще, ни в каком городе огромном не был, насколько я помню, – только в маленьком, районном.

Странно ещё то, что я с невероятной скоростью всё реже скучал по родной деревне и тем близким людям, среди которых родился и воспитывался.

Первые пару лет после переезда часто снился умирающий дед, тянущий ко мне руку, – «Возьми её, или я не упокоюсь!» – твердил он...

Друзья тоже иногда снились или моя избушка, бабушка... но не более того, сновидениями всё и ограничивалось, – ностальгии или тяги к малой родине никогда не возникало.

Как и положено, со временем стали появляться новые друзья, девушки, увлечения, интересы, – вообще, словно всё то, что было со мной до тринадцати лет, происходило в другой жизни... с кем-то, совершенно другим.

Единственное, чего мне всегда так не хватало в Москве – это природа!

Привык, что в селе она везде, – стоило только открыть дверь избы, и всё! Тебя сразу окружали различные деревья, чистая трава, домашние и дикие животные, множество поющих птиц; никакого постороннего шума. Над головой небо неестественно голубого цвета; чтобы выпить чистой родниковой воды, совсем ненужно идти покупать её в магазин или заказывать по телефону, как это сейчас делают в больших городах, – достаточно лишь добраться до ближайшего колодца, коими изрыта вся наша деревня.

Конечно, в столице есть множество красивых и ухоженных парков, разнообразных мест для культурного и активного отдыха, полезных релаксаций, медитаций. Различные кинотеатры, театры, выставки и музеи, музыкальные концерты, клубы, пейнтбол и т. д. Но – это всё далеко не то. Ведь чтобы просто выбраться в выходные на пикник, приходится преодолевать очень немалые расстояния, – больше устанешь по дороге на саму, «дикую природу», нежели отдохнёшь там в итоге.

Жизнь пошла своим чередом, как и положено, пока не настал тот момент, когда со мной случилось, пожалуй, первое серьёзное потрясение в Москве.

Мне недавно исполнилось восемнадцать лет и вдруг... в автокатастрофе трагически погибает отец.

Не стану рассказывать о том, как именно это случилось и что творилось в моей душе, и нашем доме в то время, скажу лишь, одно – детство закончилось бесповоротно. Я это быстро понял...

Мать, спустя всего лишь какой-то год после трагедии завязала отношения с другим мужчиной и вскоре они поженились.

Я её понимаю, и не в какой степени не виню, не осуждаю... так воспитан.

А вот на каких книгах воспитывался новый муж матери, т.е. теперь мой отчим, я тогда мог только догадываться.

Глава 2. Свадьба – не темница

У нового мужа матери из детей имелась лишь одна юная дочь, возрастом всего на два года младше меня. Когда она достигла совершеннолетия, тогда-то и залетела «новому папеньке» в голову идея поженить нас с ней.

Вот просто так, с бухты-баракты!

Как он до этого додумался, долго ли размышлял и зачем, я толком не знаю до сих пор, но отчим довольно быстро нашёл в моей матери своего верного союзника в данном вопросе.

Они, наши родители, сначала обговорив все плюсы возникшей идеи между собой, решили сказать про это нам, детям.

Но! Здесь стоит кое-что пояснить: когда моя мама начала отношения с будущим мужем, то вскоре переехала жить к нему, оставив меня в квартире единственным хозяином, я всё-таки взрослый уже был.

В гости, ввиду своего характера, к отчиму я никогда не навещался и потому, с дочерью его Алисой, виделся всего два, максимум три раза: на свадьбе у родителей и ещё каком-то корпоративе. Мы наедине даже не разговаривали ни разу с ней. Так что, как могла прийти отчиму идея поженить нас с его доченькой, я просто не понимаю! Ладно, он был бы психически больным, а нет, наоборот, очень умный, здоровый и адекватный мужчина.

День, когда ко мне в гости приехала мама и словно снег на голову вывалила, что решили они с Валерой (так звали отчима) сыграть нашу с Алисой свадьбу – не забуду никогда.

Конечно, я сначала принял всё как шутку: подыгрывал, смеялся. После, быстро поняв, что мать говорит всерьёз, по вполне понятным причинам начал приводить веские доводы против сказанного ею.

Выглядело это всё примерно так:

– Я её видел всего два раза в жизни и то, даже не общался с ней толком! И потом, молод я ещё для свадьбы... мне двадцать лет! Как ты всё это себе представляешь?

– Очень просто! – невозмутимо ответила мама, отпивая горячий кофе, наведённый ранее, – она девушка хорошая, и характером, и внешностью; умная, талантливая, порядочная! У нас с Валерой бизнес общий, а вы останетесь прямыми наследниками – это же замечательно! А то, что ты её видел всего пару раз, так это ничего страшного! За годы совместной жизни познакомитесь.

Она хлопнула в ладони и улыбнулась, словно речь шла о вечерней прогулке, а не моей женитьбе.

– Совместной жизни?! – воскликнул я, размахнув руками, – то есть ты предлагаешь мне, жениться непонятно на ком, причём не фиктивно, а по-настоящему и жить с ней вместе?!

– Не предлагаю, а настаиваю! Квартирку мы вам уже присмотрели: новую, большую, уютную; в солидном районе. Скажи, ну что не так? Она по внешности тебя не привлекает? Не поверю никогда!

Немного помолчав, мать мягким голосом добавила:

– Ты подумай, Саш... я тебе только добра желаю! И знаешь, как у нас раньше в деревнях говорили...

– Знаю, – нервно перебил её, – «Стерпится – слюбится!». А ей вы уже сказали? Обрадовали своим решением? Как «невеста» моя, отреагировала на подобный каламбур?

– Конечно, сказали! Она всё знает! Валера с ней поговорил «по душам» и, в отличие от тебя, – мама подчеркнула последнее слово, ткнув меня указательным пальцем в грудь, – Алиса уважает своего папу и следует его советам. Чему не мешаешь поучиться и тебе, охломону!

Этот разговор продолжался ещё довольно долго и на повышенных тонах, так что, пересказывать его я не берусь.

Позже, когда мать уехала, подумав при этом, что убедила сына в правильности своего решения по поводу личной жизни, я остался наедине со своими «гремящими» мыслями.

Голова моя, мягко говоря, стала «закипать». Единственным спасением тогда оставалось одно: звонить друзьям, поговорить и посоветоваться с ними.

В бар, скорее в бар!

До питейного заведения добрался быстро, разумеется, поехал на такси.

Там, за стойкой над барменом меня давно заждались любопытные друзья и подруги – всего человек семь. Я пристроился на высоком стуле и заказав пива, искренне поведал всем присутствующим свою историю.

Сперва ребята мне просто не поверили, – как совсем недавно я матери. Потом же, когда поняли, что не шучу, все сначала дружно посмеялись надо мной вдоволь, надавали шутейных, «вредных» советов и лишь после этого, стали всерьёз углубляться в суть проблемы.

Довольно резво к нашей компании подключилось множество людей, посетителей того самого заведения, где мы отдыхали, которых я совсем не знал либо знал, но шапочно. Настолько глубоко всех тронула моя нестандартная ситуация.

В итоге советчики разделились на две группы: первые говорили, что это ужасно и сейчас ни каменный век, каждый человек сам решает с кем ему жить (исключением назвали только нежелательную беременность и выгоду). Вторые, напротив, – твердили, что здесь есть своя изюминка и потом, свадьба – это не тюрьма, не наказание! Женившись, я не запираю себя навечно в темницу, не становлюсь монахом; как и прежде смогу гулять; зато будет кому за мной ухаживать...

Так и проспорили до самого закрытия пивнушки – рассвета.

Через несколько дней после бара, за которые я трезво поразмышлял наедине с собой и своими навязчивыми мыслями, согласился всё-таки с мнением, что, – «Свадьба – это не темница!» Да и мама всё время заваливала телефонными звонками с вопросом – «Долго ты ещё собираешься решать? Я тебя не заставляю, выбор за тобой. Но решай быстрее, а то у нас к свадьбе почти всё готово!»

Во мне что-то надломилось, и я подумал, – «В самом деле, чего я теряю? Ровным счётом – ничего! Наоборот, женившись, получу некоторые бонусы в виде той же новой и большой квартиры, увеличенной материальной поддержки от родителей; дома всегда будет с кем поболтать, кино посмотреть. Станет кому готовить, стирать, гладить, убирать, – спинку погладить в конце концов!»

Так, я принял одно из важнейших решений в своей жизни... навсегда разделив её этапы на «До» и «После»

Реакция на мой положительный ответ со стороны матери и отчима оказалась молниеносной!

Через месяц суета к нашему с Алисой торжественному бракосочетанию шла полным ходом.

Правда, и при его организации шло всё как-то не по-человечески: меня к свадьбе готовила мама, невесту её отец. Всё у нас происходило врозь с «суженой», словно: я женюсь на другой, она на другом и опять же, за всё это время я видел девушку всего пару раз! Причём в присутствии её отца, который был искренне рад предстоящему торжеству.

Я вплоть до выкупа невесты не видел свадебного наряда Алисы... хотя-я... всё равно, есть такая примета, что жениху нельзя лицезреть девушку в платье до свадьбы.

Наконец – банкетный зал заказан и вскоре предоставлен!

Происходило всё по отъезженному сценарию: родня и гости на подлёте; выпивка, закуски и представления с тамадой – всё готово...

Настал тот сентябрьский день... день моей свадьбы.

Помню, я проснулся рано в кругу нескольких друзей, с небольшим похмельем после лёгкого мальчишника: меня аккуратно одели, нарядили. Всячески поздравляли, хлопали по плечу, подбадривали и язвительно подшучивали (подкалывали).

Позже, прилетела взволнованная мама, которая испугалась за то, что я перебрал на вечеринке и убежал подальше от предстоящей свадьбы. На деле – телефон просто выключил, и она не могла долго до меня дозвониться.

Убегать я никуда, конечно, не собирался и мы, сев по машинам, попутно собрав ещё приглашённых людей с моей стороны, поехали к дому невесты.

По дороге, как и вообще, в этот торжественный день, я нисколько не переживал, не волновался, не думал, о чём стану говорить, как придётся себя вести на предстоящей церемонии. Возможно потому, что свадьба предстояла такая нестандартная.

Просто воспринимал всё словно игру, развлечение или банально – масштабную попойку.

К сожалению, совсем не учитывал тогда, что в это самое же время чувствует невеста. Согласен, – это оказалось эгоистично с моей стороны.

Дальше всё как на миллионах других подобных торжествах; так что, думаю, описывать этого не стоит.

Единственное, что меня тогда поставило в неловкое положение – это когда тамада начала задавать простые, стандартные при выкупе невесты вопросы, – «Опиши точно лицо и внешность своей возлюбленной, характер; что тебе в ней дорого; назови девять причин, за которые ты её любишь?», – я растерялся сильно. Не настолько хорошо я знал Алису, а говорить наобум, неудобно! Мне повезло, как часто случается – выручили друзья.

Мама, кстати, потом очень переживала, что не учла этот момент и заранее не приготовила мне всевозможные ответы для тамады и подружки невесты.

Во второй раз я немного растерялся в загсе, когда прозвучали слова, – «Скрепите ваш брачный союз поцелуем».

Мне, естественно, приходилось ранее целовать малознакомых девушек или вообще не знакомых, но совершенно при других обстоятельствах: в клубе или кафе, под воздействием спиртных напитков... а тут меня «застопорило!» Но, чести я не уронил – поднял фату и поцеловал. Странное тогда ощущал чувство, больше я такого не испытывал: все аплодируют, кто-то свистит, взрыв хлопучек, запах духов от невесты, её неровное дыхание, ещё этот «Мендельсон» играл дурацкий...

В ресторане, собственно на празднование нашего бракосочетания, когда приходилось целовать Алису просто космическое количество раз, ведь поддатые гости так любят кричать – «Горько!» – чувствовал себя вполне уверенно, спокойно. Был порядком выпившим, всё принимал играючи. Тем более – невеста мне улыбалась, смеялась.

О том, что настанет завтра, я просто не думал – не хотел.

Приближалось время первой брачной ночи.

Все гости, равно как и я, были на полном веселье: кто забрался на сцену и орал песни, другие сбивчиво и не в такт подпевал им; третьи от души вытанцовывали невероятные движения; произносили тосты, временами плохо выговаривая слова. Ну и кто-то, конечно, спал, свалив голову на стол или в салат! Слава богу, без серьёзных драк обошлось! И на том спасибо.

Наконец, настала первая и холодная супружеская ночь... первая, но далеко не последняя из подобных, ледяных: как можно догадаться, все последующие ночи теплее не стали.

Я снова не учёл того, когда думал о женитьбе, что станет чувствовать ко мне незнакомая жена. Не зря говорят, – «Если ребёнок растёт в семье один, вырастает эгоистом!» – А я и рос один, ни братьев, ни сестёр.

На свадьбе, когда Алиса выглядела счастливой, с радостью отвечала на все мои поцелуи, да так, что к вечеру у меня посинели губы. Просто никому бы в голову не могло прийти, в том числе и мне самому, что её поведение не искреннее.

Видимо, она хорошая актриса или долго готовилась.

С первого дня нашей совместной жизни (мы в день свадьбы сразу въехали в новую квартиру и остались вдвоём), я осознал, куда вляпался и что теперь меня ожидает... да поздно, батенька!

Разумеется, не подумал ещё и о том, что у девушки до меня была другая жизнь, своя любовь и грандиозные планы на будущее. Которые, понятно, вмиг рухнули после нашей расписки, а виноват во всём в её пониманиях, оказался, конечно – Я! Железная женская логика, что тут скажешь!

Сначала, в первые месяцы она лишь тихо плакала вечерами, позже стала впадать в истерики; устраивала скандалы, я в такие моменты обычно сдерживался или молча уходил из дома, ждал, пока не успокоится. Реже тоже срывался и ругался с ней в ответ, порой доходило до битья посуды.

Да, кстати, а вот Алискину первую любовь я видел на нашей свадьбе. Ещё тогда понял, что между ними что-то было, какие-то чувства, я имею в виду. Он так пристально и печально на неё смотрел, Алиса, наоборот, ни разу не удостоила его взглядом, избегала специально, – ясное дело, это не странная случайность. Тот ревнивец бросал на меня острые, враждебные взгляды; сразу осаживал полный стакан водки после крика – «Горько!» – в итоге парень сильно перебрал, на руках домой его уносили.

Не понимаю я таких людей, – ну зачем приходите на свадьбу к своей любимой девушке с другим человеком?! Что это за такой вид самобичевания?! Может, он думал ещё в загсе, как это бывает в кино, когда скажут, – «Есть ли кто-нибудь против этого бракосочетания?» – крикнуть, – «Да, я против!», – и убежать с Алисой через окно? Ну да бог с ним, дураком.

Гораздо хуже то, что я, молодой парень, смог сполна понять сорокалетних мужей, которые ищут любой повод не находиться в выходные дома с законной, предпочитая провести время на рыбалке, охоте или просто в пивнущке с друзьями.

Вот и я, зная, что дома меня ждёт холодный приём, не спешил туда возвращаться после работы, – не находилось большого желания.

Я часто оставлял машину вдалеке от места проживания и прогуливался пешком. Всматривался в светящиеся окна чужих домов, думал, – «Неужели у многих людей семейная жизнь проходит вот также серо и отчуждённо? Когда твой собственный дом, кажется тебе промёрзшим и чужим; Ты покупаешь новую мебель или вещь для квартиры без радости и энтузиазма, а просто для порядка, потому что так поступают остальные?»

Здесь стоит подметить: некоторые мужики могут подумать, в частности, мой лучший друг так считает тоже, – «Это же, наоборот, хорошо! Жена не пилит, не ругает, когда приходишь пьяный под утро, не ревнует». – Так вот, если тебя супруга ревнует и ругает за пьянку, значит, ты ей нужен! А когда к тебе относятся параллельно и с холодком, как к дворовому коту, которого из жалости пускают поесть и поспать... без комментариев всё понятно – хорошего в этом ничего нет! Поверьте, на слово...

После напряжённого дня я не мог рассчитывать на расслабляющий массаж, или хотя бы душевной беседы, мы вообще, почти с женой не разговорили, тем более откровенно – только ругались от чистого сердца!

Не ходили вдвоём в кино, театр или просто ресторан, за исключением тех случаев, когда это было нужно специально для показа друзьям или коллегам, родителям опять же. Всё довольно непросто...

Но я, как и моя супруга, никогда не выносил этот сор из избы. Поэтому помимо некоторых самых близких людей, со стороны наша жизнь казалась всем окружающим счастливой – примером для подражания.

Нередко мне говорили о том, как мне повезло. Что у меня красивая, заботливая и любящая, молодая жена, ещё и живём отдельно от родителей – просто предел мечтаний.

Да, из Алисы получилась бы хорошая актриса. Так как всегда, когда мы выходили в свет, а это случалось не так уж и редко (но и нечасто) ввиду нашего возраста. Будь это вечеринка, дни рождения, банкеты или праздники, она легко и правдоподобно входила в роль счастливой, любящей супруги, так... что в её искренности ни у кого не возникало сомнений. В этом она смогла обмануть даже отца... маму мою, правда, Алиска не сумела провести в данном плане.

Мой отчим, точнее, тогда уже тесть (вообще, чёрт пойми кто), думал, что дочь его живёт со мной словно в сказке.

Я уже говорил – это только на людях. Когда мы приходили домой и оставались наедине, – «Карета снова превращалась в тыкву». – Хотя несмотря даже на всё это, спали мы с женой в одной кровати, под одним одеялом, иногда с выполнением супружеских обязанностей (странно, да?). Только вот, очень прохладно, без какой-либо страсти, так присущей молодожёнам.

Думаю, здесь следует справедливо сказать и о достоинствах своей супруги.

Во-первых, – люди, которые говорили, что у меня красивая жена ничуть не врал, Алиска действительно очень видная.

Это девушка среднего роста, с тёмными густыми волосами по плечо, чёлка всегда спадала на правый глаз, и она имела привычку (дурацкую) постоянно её накручивать на палец или просто «играть» с ней, перебирая руками. Черты лица правильные, выразительные, карие глаза; телосложение обычное, нет, скорее немного спортивное: то есть излишнего веса у неё нет, но и ветром в пасмурную погоду с зонтиком не унесёт «В страну чудес».

Женские достоинства на месте: высокая пышная грудь; округлые бёдра, живот в тонусе и немного подкачан (фитнес знает своё дело), стройные гладкие ноги; ходит всегда подтянуто, лёгкой непринуждённой походкой. Вот, даже такому придирчивому к внешности девушек человеку как я, придаться в её облике просто не к чему.

Во-вторых, как бы там ни было, я горжусь тем, что моя жена ещё и художник, причём довольно хороший.

Её работы нередко выставляются на выставках и конкурсах; некоторые из них выгодно продавались. Я сам хоть и далёк от изобразительного искусства, всё же вижу: у супруги настоящий талант! Ей об этом я, разумеется, не говорил по вполне понятным причинам; делал вид, что мне всё равно. Никогда не отвлекал её от работы и тем более не помогал, – да и чем бы я помог?

В-третьих, пожалуй, что я ценю больше всего в своей суженой – верность. Насколько бы «враждебно» Алиса ни относилась ко мне, не обвиняла во всех смертных несчастьях и, пусть всё ещё любила того, своего первого парня, жила она по принципу произведения А.С. Пушкина, – «Но, я другому отдана, я буду век ему верна!»

То есть, моя супруга не гуляла нигде на стороне (она и с подругами не особо общалась), не изменяла и, по всей видимости, смирилась со своей участью, – такая вот, мол, её доля бабская!

Спасибо ей за это... это много значит и дорогого стоит.

Здесь, пожалуй, закончу лирическое описание своей обыденной жизни, так как суть рассказа, о другом, без мистики в котором, совсем не обойдётся...

Глава 3. Письмо

Мы прожили в браке с Алисой больше двух лет. Я имел своё дело в бизнесе у матери и тестя-отчима, зарабатывал хорошие деньги и жене работать нужды не было; она хозяйничала по дому и занималась любимым делом – рисовала, вернее, писала картины.

Если не считать наших с супругой семейных отношений, то всё выпадало вполне удачно: хорошее жильё, солидная работа, дорогая иномарка; возможность покупать себе то, что нравится, не глядя на ценник (в пределах разумного) и т. д.

Детей только не успели нарожать ещё, да и не до них пока что, – не так мы с Алисой ещё притёрлись за два с половиной года, – «Не стерпелось – не слюбилось».

За время нашей совместной жизни мы старались раз десять устраивать перемирия, мол, – «Давай жить без истерик, скандалов, станем просто воспринимать нашу «семейную идиллию» как работу.

Разумеется, долго ни одна договорённость не длилась. Всё рушилось и начиналось по новой: скандалы, истерики, слёзы, битьё посуды... мне, кстати, к тому моменту в магазине стали скидки на тарелки делать, без шуток!

Однако, всё равно за это время мы смогли хорошо устроить нашу двухэтажную квартиру, и она вполне походила на «семейное гнездо».

На первом этаже располагался зал, кухня с баром пополам; две пустые комнаты, их заранее отвели наши родители под будущих детей. Санузел и Алискина мастерская, которая у неё вечно полностью забита всякими рамками, полотнами, банками – склянками, кисточками и много чем другим, в чём я совершенно не разбираюсь и потому, опрометчиво всегда называю бараклом.

На втором этаже возвышалась наша спальня с выходом на балкон; кладовая, пустая комната и мой кабинет, потолок в котором я специально занизил, мне так уютнее работать (сказалось детство, проведённое в деревенской избушке).

Мой «офис» с мастерской супруги мы нарочно расположили по разным этажам, чтобы не мешать друг другу работать. Я, да и она, если что-то не получалось, могли от души высказаться, Алиса не так, конечно, крепко, но всё же. Разбираясь с рабочими делами, я частенько ругался по телефону или, когда копался в необъятной куче бумаг – матерился.

Однажды в конце мая, во время очередного шаткого «перемирия», я вернулся домой с работы, Алиса вышла в прихожую и спросила:

– Ужинать будешь?

– Разогрей, – скинув «потяжелевшие» за день ботинки ответил я.

– Слушай, вот, тебе тут письмо пришло.

– Ты что лазила в мой компьютер? – С удивлением посмотрел на неё.

– Нет, – открыла она зеркальный шкафчик, – обычное письмо, почтальон принёс.

– Ого! – Воскликнул я, – да мне такие письма последний раз от матери с отцом ещё в деревню, когда маленький был, приходили.

– Оно с деревни и есть, – протянула мне конверт, – мой руки и пошли за стол, там прочтёшь.

– И правда! Из моей деревни, только не пойму, кто отправитель. – Сказал вслед жене.

Я быстро умылся и, усевшись за большой стеклянный стол, напротив вкусно пахнущей тарелки супа, с интересом стал вскрывать конверт.

Вытащив из него лишь один тетрадный лист, принялся читать.

«Здравствуй, дорогой Александр! Пишет тебе соседка твоей бабушки по деревне – тётя Вера, не знаю, помнишь ли ты меня ещё, али забыл уже, это совсем и неважно. Довожу

до тебя, что несколько дней тому назад умер дед Петя, родной брат твоей бабушки, которому ты являлся племянчатым внуком, его я думаю, ты ещё не позабыл. Твоей бабе Маше теперь стало совсем скучно и одиноко. Я стала за неё переживать, человек она уже старьёй, глядишь и свихнётся от тоски. Ты бы нашёл свободное время, приехал к нам сюда, в родные тебе места, навестил свою старушку, побаловал её своим дорогим вниманием. Она всё-таки тебя растила, сильно скучает и по хозяйству бы не мешало ей помочь, а то дом у баб Маши совсем обветшал. В нашей некогда большой деревне жилых домов осталось совсем немного и те заселены одними стариками, да старухами, молодёжи совсем нет, никто даже не приезжает. А всё потому, что три года назад от старости рухнули столбы, которые вели из района к нам в деревню электричество, восстанавливать линию никто не стал и так мы без света всё это время и живём, можно сказать, отшельниками. Ещё слыхала от твоей бабушки, что ты женился, вот вместе с женой и приехали бы из своей Москвы, подышали чистым воздухом, отдохнули от городского шума и суеты, в общем, ждём тебя, Саша! Ой, чуть не забыла, если надумаешь приехать, не говори бабушке о том, что я тебе писала, пусть лучше думает, будто ты сам захотел, а то знаешь её, обидеться ещё. До свидания!»

– Что там? – вывела меня из состояния задумчивости присевшая сбоку Алиса.

– На, – протянул ей письмо, – прочитай, сама поймёшь.

– Я чужих писем не читаю! – Почти с гордостью заявила жена.

– Да мы вроде как и не чужие, – с улыбкой сказал я и принялся за еду.

Нахмурившись, Алиска всё же взяла у меня листок и с умным видом начала читать. Когда закончила, положила его на второй стол и сказала:

– Что ж, поехали, раз зовут.

Сказать, что тогда таким ответом она просто повергла меня в шок – ничего не сказать.

За два года совместной жизни мы никуда с ней вдвоём (наедине) почти не ездили, даже на медовый месяц дома остались, по понятным причинам, а здесь, на такое время, и она вдруг хочет поехать со мной! В такую далёкую глушь?!

Поперхнувшись горячим ещё супом и удивлённо глянув на жену, я спросил:

– Что значит поедет? Вместе, что ли?

– Ага, – утвердительно кивнула Алиса, – по-семейному.

– Ты хоть раз в деревне была? Или вообще, в сельской местности? – Как можно спокойнее спросил я, – там электричества нет, интернет, скорее всего, не ловит, как и мобильная сеть в целом! Ты сможешь без компа? Без планшета, телефона... неделю прожить?

– Смогу! Не делай из меня не пойми кого. Была ли я в деревне? Вот, в том то и дело, что не была, – пожалала она плечами, – а если ты не забыл, я немного художница! Мне же надо откуда-то черпать вдохновение, видеть и ощущать наяву то, что предстоит изображать? У меня картин пейзажа в живописи совсем нет... вот и поработаю! Там же, в твоей деревне, думаю, найдутся интересные объекты для моего творчества?

– Угу, – кивнул я, не веря своим ушам.

– Ну вот, – вздохнув, ответила она, – мы вроде как женаты, там чёрным по белому написано, – «Бери жену и приезжай», – вот и поехали. Тем более, права эта тётя Вера: отдохнуть нужно от города! А я отыщу, чем там заняться, поработаю заодно творчески. Короче, поехали, сам сказал, – «Мы вроде не чужие».

– Тогда, – неуверенно начал я, ища подвоха в её словах, – завтра у начальницы дней на десять с работы отпрошусь и послезавтра можно выдвигаться.

– Отпросишься, – хмыкнула Алиса, – можно подумать, тебе долго придётся уговаривать собственную мать.

– Нет, но, порядка ради, стоит поставить в известность. Завтра поговорю с ней, а через пару дней можно в путь. Только смотри: там света нет у них, скорее всего, и связь не ловит, так

что не плачься потом мне, что тяжело. Сама захотела поехать, я тебя не уговаривал и раньше, чем через неделю мы оттуда не уедем! Так что подумай, справишься там?

Жена мне улыбнулась, что бывает нечасто и сказала, почти нежно:

– Повторяешься! Ты мне только что об этом говорил, забыл? Справлюсь! Хоть что-то новенькое испытаю, а для того, что там трудно и мне многое не знакомо – у меня муж есть. – Алиса показала мне язык.

«Что-то с ней не то, выпившая, что ли?»

– Просто думал, ты в первый раз не услышала мои слова об отсутствии «цивилизации». Ладно, – встал я из-за стола, – пойду в кабинет пока, прикину, что с собой взять нужно там и т. д.

– Я тебя не задерживаю, вали.

Пройдя в свой «офис», я сразу полез в интернет, чтобы освежить память на тему, – «Что брать с собой, если собираешься провести отпуск в глухой деревне». – Казалось бы, вот я сижу у себя дома и просматриваю различные походные сайты, но мыслями и душой уже совсем далеко, там, – в родной избушке.

Шутка ли, столько лет там не был? Вроде и не вспоминал даже о ней, так, по мелочам (дед почему-то умирающий иногда продолжал сниться, я это списывал на то, что так и не попрощался с ним, как положено). А здесь, пришло письмо и-и... внутри у меня всё забурлило. Чувства просто били ключом, хотелось поскорее пройтись по тем родным улочкам, где бегал совсем ещё мальчишкой, поднимая босыми ногами столбы пыли или сбивая утреннюю росу с травы в степи; вдохнуть аромат свежести диких растений, деревьев и вообще, всей, такой любимой природы...

Меня – захлестнуло ностальгией.

Утром отправился на работу и напрямик пошёл в кабинет к своей начальнице, т.е. матери.

Конечно, я рассчитывал, что она с лёгкостью меня отпустит, да не тут-то было!

Вот не хотела она, чтобы я ехал в родные края – упёрлась, и всё! Мне показалось, что мама чего-то боится, опасается нас отпускать и явно не называет настоящей причины отказа. Тогда же я и вспомнил, что почти десять лет назад обещал отцу, скрестив пальцы, – «Не возвращаться в деревню», – чушь!

Всё-таки пусть и с «боями», я уговорил начальницу отпустить меня.

Думаю, этому поспособствовала новость, что поеду я совместно с супругой, одного не захотела бы отпускать, наотрез отказав. Ведь в отличие от отчима-тестя мама прекрасно была осведомлена о наших с Алисой отношениях, а здесь, появился реальный шанс, хотя бы немного всё уладить.

Следующий день, словно мальчишка перед долгожданной рыбалкой, я готовился к поездке.

Стараясь исходить из того, что в деревне нет света и наверняка никакого магазина поблизости, то, я пытался складывать всё необходимое. В первую очередь долгохранящиеся продукты: тушёнку, кашу в банках, хлебцы, сахар, соль, крупы, чай, водку, что-то вроде сухого пайка. Достал из гаража свой охотничий костюм и необходимое снаряжение типа фонаря с запасными батарейками, термоса, походной посуды и ножа. По полной укомплектовал аптечку, купил лекарства, которые, ну никак не могли нам понадобиться – так я «завёлся» идеей поездки.

Естественно, взял немало гостинцев для своей бабушки – куда без этого?

Что касалось автомобиля, я прекрасно понимал – моя машина «утонет» на заброшенных деревенских дорогах, как это случилось в 1941-ом году с немецкими танками. Потому одол-

жил в аренду на две недели (с запасом по времени), у одного знакомого «сталкера» наш отецственный «Уазик».

Мне нечасто приходилось видеть, как смеётся жена, но, когда она увидела, сколько я вещей насобирал для поездки, просто расхохоталась.

– Мы что, на год туда едем?

– Алис, здесь всё необходимое, не знаешь – не лезь. Потом ещё спасибо скажешь.

– Посмотрим! А мы в машину сами-то с тобой влезем?

– Забыл! – хлопнул себя по лбу, – точно! Я же машину другую в аренду взял, у одного коллеги по охоте, на ней и поедим. Просто наша тачка, по деревенским дорогам никак не покажет.

– Да? – насторожилась она, – и что это за машина?

– Во! – поднял я большой палец вверх, – «УАЗ – 469»!

– Это что такое? – Алиса сморщила носик.

– Ну, «Бобик», на нём ещё менты раньше гоняли, да и щас гоняют. А я взял хороший, надёжный, военной покраски, завышенный; немного тюнинга и главное, гвоздь программы – обтянут брезентом!

– Саш, скажи, что ты шутишь!

– Ты тоже в восторге?! Какие тут шутки! Не волнуйся дорогая, я серьёзно! Взял в аренду, ты не сомневайся! Можешь не переживать, нормально всё будет! Так! – я посмотрел на левую руку, где были надеты купленные утром спортивно-походные часы и приказным тоном сказал, – давай иди спать, встаём завтра рано. Поедим утром, чтобы пробок не застать, эта машинка любит очень бензин кушать. Я пока «Уазик» на стоянку загоню и погружу заодно, а то, будем возиться завтра долго.

Перед сном я невольно вспомнил бабушкиного брата, деда Петю, который, как следовало из полученного мной письма, недавно умер в деревне.

«Странно это, почти за десять лет я и не вспоминал о нём, вот так и не знал бы, что он умер, а ведь хорошо в детстве с ним игрались! Так и с бабулей, что случится и не узнаю. Всё-таки я редкий эгоист». – С этой мыслью я крепко заснул, стянув, как выяснилось утром, всё одеяло с Алисы на себя.

Глава 4. В пути

Разбудил Алису в четыре утра. Под аккомпанемент её недовольного ворчания, мы быстро умылись, позавтракали и около пяти отправились в путь.

– Обязательно было вставать в такую рань? – Причитала недовольная жена.

– Да, ехать чётко знает сколько! Раньше выедем, раньше и приедем.

– А если бы мы взяли нашу машину, то добрались ещё быстрее! Раз так в десять!

Она нарочно сложила руки крест-накрест и сделала очень злое лицо.

– Какие мы умные! Там дороги такие, что на нашей машине только на деревенскую свалку можно приехать. А вдруг дождь пойдёт, знаешь, какого по грязи ездить?! И, вообще, ты сказала, что подготовку к поездке полностью доверяешь мне, по причине своего полного незнания в подобных делах. Не трепи мне нервы с утра пораньше, поспи лучше. – Раздражённо закончил я разговор, потому как сам ещё не отошёл от сна и оставался очень раздражителен. Тоже не люблю вставать слишком рано, если только это не касается отправки на охоту.

Алиса надела наушники и отвернулась от меня. – «Вот глупышка! Давай, разряди телефон по дороге, где потом заряжать будешь, свой то я берегу, выключил». – Подумал я, зная, что прикуриватель в машине не работает.

На самом деле, в «УАЗе» ощущал себя очень непривычно, не тот комфорт: всё вибрирует, гудит, нет усилителя руля и автоматической коробки передач. Но мне нравилось на нём ехать! Чувствовалось, что управляешь... как бы это сказать? Настоящей техникой, что ли, а не компьютерной железякой, решающей всё за тебя.

Ещё знакомый «сталкер», у которого я брал «УАЗик» напрокат, предупреждал, что машина «жрёт» много топлива, но, когда я проехал километров 150, понял, что расход бензина ничуть не больше чем у «БМВ – х5», наоборот, немного меньше.

Всего от выезда из Москвы в сторону Ростова нам предстояло ехать 1200 – 1250 км, затем повернуть с трассы и гнать в левую сторону бог знает сколько времени, проще говоря – долговато.

Всю дорогу катили спокойно: Алиса всё время спала (а может делала вид), лишь иногда просыпалась, вынимала один наушник из уха и доставала меня вопросом: – «Долго ещё ехать?». Пару раз заезжал на заправку, чтобы не тратить бензин из запасных канистр.

Там же, на колонках покупал себе энергетические напитки (безалкогольные, разумеется), в сон клонило просто неумолимо, а жена наотрез отказалась меня подменить, да она и не смогла бы управлять такой машиной.

Сонливость прошла, когда до моей деревни оставалось около ста километров.

Наконец, закончился асфальт, и мы вышли на грунтовую дорогу. С детским ударничеством я стал испытывать машину в действии: где-то резко вошёл в поворот, раскинув столбы пыли во все стороны, где-то подпрыгнул, где-то получил от проснувшейся Алисы подзатыльник и умерил свой пыл.

– Очумел!? Совсем больной, что ли? – Начала она кричать, – угробить нас хочешь?

– Прости Алис, увлёкся. Классно так, надо себе тоже такой взять, на рыбалку там или охоту гонять. – Оправдывался я.

– Долго ещё ехать?

– Надоела ты мне с этим вопросом! Километров пятьдесят, может, семьдесят или двести! Это если мы не заблудимся! Давно тут не был, темнеет уже, а навигатора у нас нет, как и интернета на твоём телефончике.

– Я тебе заблужусь! Эй, а как ты узнал, что у меня нет интернета?

– Догадался. Не заблужусь, шучу! – отмахнулся я, – поспи ещё, приедем разбужу.

Всё-таки я немного заплутал и когда вышел на хоть немного знакомую дорогу, на улице темнело.

Чем ближе мы подъезжали к дому бабушки, тем больше я впадал в раздумья, вспоминал детские годы, – снова ностальгия нахлынула.

Невольно вспомнил смерть деда; о том, какие слухи ходили по деревне про моих бабушку и дедушку. Вся деревня считала их, как это нелепо бы звучало, сильными колдунами (про деда я упоминал вначале, что его считали колдуном, а про бабушку позабыл сказать то же самое). Даже ребята, мои друзья, пытались убедить меня в этом, от чего мы с ними нередко ссорились и дрались.

Зато, из-за этих слухов имелись свои плюсы: когда, например, залезешь в чужой сад с пацанами клубники наворовать, так всем влетало от хозяев, если нас ловили, а мне, наоборот, ещё с собой в дорожку отсыпали ягод и просили старикам привет передавать. От воспомина-ний я слегка усмехнулся.

– Чего скалишься? – Потянулась на соседнем сиденье проснувшаяся супруга.

– Да, детство вспомнил, когда маленьким был... весёлая пора.

– Раз тебе там так хорошо было, зачем тебя в Москву забрали?

– Вырос! Образование требовалось хорошее... вообще, родители захотели, чтобы я стал городским. Знаешь, не жалею об этом.

Я окончательно успокоился и понял, что мы на правильном пути, когда выехали на дорогу, которая с обеих сторон окружена небольшим леском.

Внезапно, нам дорогу перебежала небольшая лисица, я резко затормозил, чтобы не пере-ехать её.

– Смотри, какая собачка со странным хвостиком. – С детской улыбкой сказала моя закон-ная, показывая пальцем в лобовое стекло.

– Это не собачка, а лиса. – Зевнув, ответил я.

– Настоящая? – Изумилась она.

– Нет Алис, чучело из музея ожило и побежало! – На этих словах я запнулся. Вспомнил просто, что ещё в наших краях упорно ходили байки о том, что здесь в старину часто води-лись так называемые упыри, которые вставали ночью из своих гробов и сосали кровь местных жителей.

Было дело, я подслушал, как старушки говорили, когда умер дедушка, что и он обяза-тельно встанет из своей могилы, потому следует ему перед погребением кол в самое сердце вбить!

Ох и напугало это меня тогда! Хотя и не совсем маленьким уже был. Ай, всё равно: отец вскоре меня забрал и историю ту я позабыл, а сейчас вот, вспомнил... аж мурашки по спине пошли.

– Всё в порядке? Ты словно призрака увидел, а не лису. – Вывела меня из задумчивости Алиса.

Поскольку ехать я устал и время тянулось для меня особенно долго, решил заняться тем, чем любит заниматься любой мужик в компании со своей женой в разных жутковатых местах: поугатать её различными байками.

– Знаешь, Алиса, – начал говорить холодным и медленным голосом, – в деревне нашей упорные слухи ходили, что бабка моя, – страшная колдунья! И детей она ест, и на метле летает на шабаши, и муж её, дед мой, при жизни колдуном был; правда, на чём он на свои нечистые собрания перемещался, увы, я не знаю. На самогонном аппарате может?

– И к чему ты мне это рассказываешь?

– Экскурсию провожу, – обвёл я правой рукой над лобовым стеклом, – так сказать, ввожу тебя в местные легенды! Готовься! Буквально через десять минут, ты встретишься с настоящей ведьмой! Такой, про каких Гоголь писал.

– Да хватит! Не по себе становится! – Прикрикнула она, растирая свои плечи.

– Я твой гид, не перебивай меня.

– Гад ты, а не гид. – Уже тихим голосом буркнула Алиса.

Далее, минут пять ехали молча; затем, я остановил машину, узнав с правой стороны наше старое деревенское кладбище.

Погост находился на небольшом пригорке, высотой порядка десяти метров и градусом уклона примерно чуть меньше, чем крутой железнодорожный откос. Таким образом, некоторые могилы располагались по склону кладбища и у его подножия. Причём на его верхней части, когда подъём заканчивался, находилось невысокое железное ограждение, точнее, что от него осталось. Соответственно, те покойные, которых хоронили на склоне, т.е. выходит, за оградой основных захоронений, считались в народе грешниками и отлучниками от церкви. Это могли быть: самоубийцы, колдуны и ведьмы, «еретики», а также те, кого молния бьёт насмерть (в старину считалось, если человека поражает грозой, значит, он прогневал бога и тогда убитый этой самой молнией, сразу становился отлучённым от церкви).

Всё это является ещё одним подтверждением тому, что в нашей деревне действительно, к разного рода суевериям во все времена относились очень серьёзно. Хотя, я точно помню, что деда похоронили в самом центре кладбища, а не за его оградой, – настолько боялись и уважали местные моего усопшего старика.

Плохо ещё, что «кровавая» луна в тот вечер была за облаками и не освещала кладбище целиком: те высокие деревья, выросшие на нём за много лет; покосившиеся от времени кресты, ограды и прочую атрибутику подобных мест.

Имелась возможность рассмотреть, как с некоторых каменных или мраморных надгробий росли деревья, с них друг на друга перелетали птицы, возможно, совы и выпи. Эх-х, жалко мне не слышно издаваемых ими звуков, таких характерных для русских страшилок, а то, я так бы прям взял и пошёл снимать ужасы!

– «Наша скудельница и десять лет назад представлялась весьма жутким местом, а сейчас, наверное, вообще, комната страха, нужно обязательно сюда прийти», – отметил я про себя.

Большого пока, без яркого лунного света, в сумерках разглядеть из машины было невозможно, хотя и в таком виде кладбище показалось ненастоящим, оно выглядело будто бутафорским! Словно кто-то нарочно построил его для декорации фильма.

– Посмотри! Жутко и одновременно красиво! – заворожённо сказала Алиса, положив руки на пассажирское стекло и не отрывая при этом взгляда от кладбища, – надо мне это место обязательно изобразить, сходим сюда... днём?

– По мне, картина ночного кладбища будет выглядеть круче, чем дневного. – Возразил я.

– Ночью жутко... я со страху умру! Жалко, я из-за твоей дурацкой спешки фотик забыла взять. Просто днём я наброски сделаю, а потом, когда домой приедем, напишу картину в ночном виде.

– И это верно! – Хлопнул я себя по правому колену.

– Почему? Что верно? – Настороженно посмотрела на меня супруга.

– Ой, лучше тебе и не знать, – ответил я, покачивая головой и трогая машину с места.

– Начал говорить, давай договаривай.

– У нас на кладбище, – с «неохотой» стал объяснять я, – опять же, по народным слухам, упыри водятся.

– Кто-о?! – Не поняла Алиска.

– Упырь, – это в славянской мифологии что-то вроде вампира, только пострашнее! Вот когда отлучника от церкви, колдуна там или самоубийцу хоронят, он через какое-то время

встаёт ночью из могилы и пьёт кровь живых существ. Предпочтительно кусает и поедает близких ему людей; бывает питается и крупным домашним скотом, но... редко. – Помахал я высокоподнятым указательным пальцем правой руки.

– Ясно. – прервала меня она, разведя руками над лицом, – дальше можешь не рассказывать, достаточно народных преданий на сегодня.

Я тогда про себя отметил, что Алиса разговаривала со мной больше чем обычно и, несколько теплее, – «А вдруг эта поездка за десять дней и вправду нас наконец-то сблизит?», – подумал я, вслух же сказал:

– Алис, знаешь, бабушка у меня человек старых нравов и-и-и...

– Не волнуйся... она увидит, что её внук живёт в счастливом браке. – Поняла меня жена с полуслова.

Когда мы оказались почти на месте, и я колесил по своей деревне, всё не мог понять, где именно бабушкин дом, – возникли трудности с ориентировкой.

Дорога стала ужасной, в кочках и вся поросшая высокой травой настолько, что я с трудом попадал колёсами в колею. Освещение, разумеется, кроме моей машины и тусклой, едва заметной из-за облаков луны отсутствовало полностью; все строения в темноте были похожими друг на друга и, практически не различимы.

Наконец, в груди у меня что-то кольнуло, фары осветили глухую стену (без окон) старой избы, – резко нажал на тормоз.

Я сидел и смотрел прямо перед собой словно замороженный, крепко держа руль обеими руками.

– Мы на месте? – спросила Алиса, открывая свою дверцу.

– Да, вот мой деревенский домик. – Ответил я и, выключив зажигание, выбрался из «УАЗика».

Только вышел на улицу и выпрямился во весь рост, сразу ощутил смешанные и непонятные чувства. Сначала резкую боль в спине, затекла пока ехал, затем закружилась голова, вероятно от свежего воздуха. А от той, непривычной тишины, которую нарушали лишь сверчки и отдалённый лай собак, зазвенело в ушах и стало резать глаза.

Ласковый, ночной, майский ветер с донских степей, приятным холодком пробирался под мою одежду, невольно вызывая широкую улыбку на лице.

Я посмотрел в небо: россыпь многочисленных ярких точек, которые виднелись в обрывках, начавших расходиться туч; одна резко проскочила в сторону (упала) и вызвала этим радость на душе. Вспомнил детство, когда забирался с мальчишками на крышу, где мы порой часами выжидали «падающую звезду», чтобы загадать желание.

– Раз твой дом, – снова прервала супруга мою релаксацию, – веди. Чего стоим?! Мне холодно и, вообще, спать хочу!

Я бросил на неё укоризненный взгляд, хоть и было довольно темно, она это поняла.

– Да ты что? Спать она хочет! Это же я весь день с пяти утра и до одиннадцати вечера на пассажирском сидении музыку слушал в наушниках и похрапывал, а ты бедненькая, за рулём сидела, энергетическими напитками сон отгоняла на заправках.

– Да, да, – ехидным голосом отозвалась она, – именно так, Саш.

– Кто-й то там? Чего лазите тут, у меня ружьё, стрелять буду! – послышался с противоположной стороны избы хриплый, старческий голос.

– Ой, – сказала Алиса от испуга и ближе подошла ко мне.

А я лишь улыбнулся... ведь грозящий нам голос, мне прекрасно знаком!

Глава 5. В деревне

– Свои, свои! – крикнул я, подходя по старой памяти к калитке.

– Свои все дома! – отозвался голос из темноты.

– Да бабуль, давно здесь не был, раз ты внука не узнаёшь!

По другую сторону забора я увидел тусклый свет, который, по всей видимости, исходил от керосиновой лампы; он быстро приблизился к нам, осветив моё лицо, немного ослепив. После «Летучая мышь» отодвинулась в сторону, и послышался всё тот же знакомый голос.

– Сашенька! Неужели ты?! – с неким недоверием спросила бабушка, которую теперь смог различить при тусклом свете от фитиля.

Ничего не отвечая, я рассмотрел старушку с ног до головы, насколько это позволяла обстановка.

За годы, которые я не видел бабулю, она, на первый взгляд, не сильно изменилась: невысокая, чуть сгорбленная, со всё тем же, немного смуглым, морщинистым лицом. Седые волосы, выглядывающие из-под платка, порядком высветившееся от времени маленькие глаза, тонкие губы, сильно сжатые вместе. Всё оставалось, как и десять лет назад...

– Да – это твой внук! – наконец, ответил я.

Старушка спешно отложила предмет похожий на ружьё в сторону и с некоторыми усилиями открыв калитку, вышла к нам. Она, поставив керосиновую лампу на землю, начала меня ощупывать за плечи, лицо, похлопала по груди, словно всё ещё не веря, что это на самом деле я. Затем крепко обняла и поцеловала в щёку. В общем, – начала совершать те процедуры, которые всегда делают родственники в подобных случаях, при этом приговаривая:

– Глазам своим не верю, да как же? Не предупредив, в такую темень... знала бы, что приедешь... ай! Да что там!

– То, что поздно, просто заплутали немного, – начал я объясняться, пытаюсь высвободиться из цепких объятий бабушки, – ты погоди обнимать меня, я не один приехал!

– Да? А с кем же? – Наделано, как мне показалось, удивилась бабушка.

– С женой! Познакомься, – я подтянул тихо стоявшую в сторонке супругу к себе, – это Алиса, моя благоверная.

Бабушка молча обняла её, далее, отойдя чуть в сторону, взяла лампу с земли и осветив девушку, произнесла:

– Красивая, ничего не скажешь! Повезло тебе! Ну, мать твоя писала мне, что ты женился, на свадьбу приглашала... да, куды мне там? Жить осталось два понедельника, я до вашей Москвы и за год не доберусь!

«Так вот откуда взялся у тёти Веры мой адрес – это мама писала пригласительную бабушке, а мне, наверное, забыла сказать... или не захотела.» – Отметил про себя.

– Чего ж мы стоим?! – пригласила бабушка, – Проходите в избу, гости дорогие! А то я старая, держу вас за двором, от радости совсем мозг потеряла.

– Да, вы идите с Алисой, – согласился я, – только ты мне ба, оставь лампу, я вещи в дом перенесу, а потом ещё машину припаркую нормально.

– Хорошо внучок, – ответила она и, взяв жену под локоть, сказала ей, – пошли деточка, не бойся.

«Летучая мышь» мне понадобилась, скорее для «понта»: в нашей машине лежал довольно мощный, современный фонарь; просто этот неровный огонёк внутри стёкла, запах керосина и её копоть, стали мне так приятны в тот момент – словно бальзам на душу.

ПРИМЕЧАНИЕ: бабушка моя говорит на непонятном для простого обывателя языке – это помесь русского, казачьего, ещё и украинских языков. Поэтому её речь даже я не всегда до конца понимаю, оттого пишу её разговор в нормальном, переведённом языке – так проще.

Взвалив на спину через плечо две большие сумки из багажника, я направился по очень знакомой тропинке в дом.

Дверь избышки оставалась открыта, из неё глухо доносились голоса Алисы и бабушки. Я прошёл внутрь, сразу ощутив аромат сушёных трав, воска и керосина; чувствовалось, что недавно топилась печь несмотря на тёплую погоду... на чём ещё здесь готовить с другой стороны?

Сбросив на пол баулы, при свете лампы и двух свечей начал рассматривать родную избышку. Точнее, сначала только большую по старым деревенским стандартам квадратную кухню, размером так, метров 6х6 примерно, хотя – все четыре комнаты в доме (кухня пятая) по площади абсолютно одинаковые.

Всё являлось мне очень и очень знакомым, родным. Эти бревенчатые стены, набитые в щелях раствором и кое-где украшенные небольшими картинами, а также связками различных засушенных растений, которые свисали там словно гирлянды в новогодние праздники. Невысокие потолки, всего метра два с кепкой от пола, их мы ещё с дедом оббивали фанерой, они явно давно не красились. Вместо привычной электрической лампочки или люстры к потолку прибит специальный крючок, чтобы вешать на него «Летучую мышь».

Сразу справа от двери стояла скамейка с двумя железными вёдрами воды и черпаком в одном из них, за ней после пары маленьких окошек, завешанных шторками, находился допотопный холодильник, напоминающий о том, что когда-то в доме было электричество.

Напротив бесполезной теперь бытовой техники, в дальнем правом углу от входа, через два таких же маленьких окошка сложена большая печь, на ней «величался» медный самовар и разная утварь. Чуть левее стоял древний деревянный стол, убранный по-старому и два стула возле него, над всем этим свисал громадный и пугающий своим видом любого городского человека шкаф для посуды.

Оба угла, что слева от входа служили вместо прихожей: там ставилась обувь, на вбитые в стену гвозди вешалась одежда; на всякий случай здесь прибито небольшое зеркальце и, разумеется, опёртый о брёвна садовый инвентарь. Окон на этой стене не предусматривалось – глухая.

Пол полностью устелен вязанными коврами и как положено в подобных помещениях, издавал характерные поскрипывания при каждом сделанном шаге.

Насколько я помнил в тот момент, коридоров в избе не было: все проходы через четыре имеющихся комнаты были сквозными, т.е. открыл дверь с кухни и сразу прошёл в одну из спален и так далее.

Туалет, душ, вода и прочие удобства за пределами избы – на улице.

У меня появилось такое чувство, словно я уезжал отсюда всего несколько дней назад.

Всё здесь, как прежде! Уверен, что я без труда смогу назвать вещи, которые находятся, скажем, в столе или в шкафу... только вот, потолки стали для меня очень низкими – подрос, за почти десять лет.

Зато, моя суженая испытывала явно полностью противоположные мне чувства: она всё очень пристально рассматривала, то открывая, то закрывая рот. Думаю, девочка моя не понимала для чего требуется половина вещей, находящихся в доме.

Конечно, Алиса в сельской местности (кроме дачи) никогда не бывала, но вот что странно, она их рисовала (писала) на своих картинах – разве такое возможно, вообще?

Ладно, посчитаем это её природным талантом.

Когда я разложил всё из привезённых нами сумок, попутно отвечая на многочисленные бабушкины вопросы и присел на скамейку возле вёдер, она вдруг сказала:

– Внучок, подай сапог вон оттуда, – указала рукой на угол в «прихожей», – самовар поставлю, сядем чай пить.

– Так... это настоящий самовар?! – удивилась Алиса, – а сапог зачем?

– Да щас увидишь, – улыбнулся я.

Растопка самовара с помощью обуви тронула супругу до глубины души, у неё сразу поднялось настроение и мне почему-то стало от этого приятно.

Чай готов – разлит по чашкам, бабушка принесла из другой комнаты третий стул, и мы все вместе устроились за столом.

Возле нас стояли две свечи в старых медных подсвечниках (керосиновую лампу с которой я носил сумку, мы подвесили на крючок к потолку), самовар, три кружки и вазы с разными угощениями. Старушка предлагала нам плотно поужинать, но мы с Алисой отказались, не было такого желания, устали просто с дороги.

Я с бабушкой вёл обычный, непринуждённый разговор, в котором жена почти не участвовала; у неё нашлось занятие поважнее: она продолжала с интересом рассматривать вещи, находящиеся в кухне, иногда подолгу задерживая свой взгляд на каком ни будь допотопном предмете.

– Что это ты вдруг решил приехать к своей бабке? – спросила хозяйка, – столько лет и весточки не было, а тут в ночь и на тебе! – она, слегка прищурившись, наклонилась ближе ко мне и добавила, – или вы прячетесь от кого? Натворил дел в своей Москве, признавайся!

– Да брось ты ба, – начал я оправдываться, – ни от кого мы не прячемся. Просто нахлынули воспоминания, потому решил навестить тебя и вон – родные края. К тому же женился! Алису решил с тобой познакомить. Что в ночь, так говорил уже: заблудился я. И что за привычка всё время говорить, – «В своей Москве», – будто она мне лично принадлежит!

– Ну ладно, ладно. – Улыбаясь, замахала ладонью старушка.

– Ба, а может тебе помочь чем нужно? Ну, по хозяйству там... не знаю.

– Хорош, – отмахнулась хозяйка, – помогать особо мне не надо, лучше отдыхайте! А, что наведать решил, спасибо! После того как Петька умер, совсем скучно стало, разговариваю разве, что с котом да курами! С Петром нечего говорить, он покойный.

Мне показалось, словно бабушка немного взволнована нашим приездом... рада, конечно, но встревожена... что-то с ней было не так.

– Новостей никаких интересных нет? – Решил я зайти издали и выяснить, чем её так обеспокоил наш визит.

– Какие у нас могут быть новости, – махнула она рукой, – людей почти не осталось в деревне, старики одни и тех по пальцам пересчитать! Электричества нет, магазин аж в соседнем селе, до него почти тридцать километров! Туда и пенсию ездим получать, и почту, если кому кто пишет. Это хорошо ещё, у соседа две машины: одна грузовая, с будкой, а другая на вроде той, в чём ты приехал. Вот он нас стариков, кто остался тут и выручает: то за пенсией отвезёт, то в магазин, то корму для скотины привезти. Хотя, знаешь, внучок, я привыкшая, всю жизнь в трудах, без послаблений.

Когда я услышал упоминание бабушки о почте и о том, – «Если кто напишет», – мне стало стыдно и неловко, ведь за девять лет я ни разу не написал ни одного письма или открытки. Отец, когда жив был, категорически не одобрял этого, запрещал мне держать связь с деревней. Поэтому единственный раз, когда я отправлял конверт сюда, был только как я переехал в Москву, мол, – «Жив, здоров, добрались хорошо, всё нравится». Потом последующие годы тишина, даже если бы батя не против был, – ну не знал я, о чём писать.

– Как же вы так, одна живёте? – включилась Алиса в разговор, выведя меня из неловкого положения, – без электричества, газа, воды, интернета.

После последнего сказанного ею слова, мы с бабушкой вдвоём засмеялись.

– Какой мне в такие годы ещё интернет? – ответила старушка, – мне и без него забот хватает. А если честно... как раньше жили в деревнях? – обвела она нас взглядом, и сама же ответила на заданный вопрос, – так вот, как и я, и даже туже. Мне мало чего надо, я не вы: молодые. Еды много не требуется; хлеб сама пеку, сухарей насушу, грибов на зиму, ягод, коровка у меня, куры. Консервами на зиму с пенсии запасаюсь, ещё кое-чем, так что, не голодаю, а свет? Да ну его! Что им делать? Телевизор я никогда не смотрела; вместо холодильника, вон, в ведро, что нужно положила, потихоньку в колодец опустила или до погреба снесла. Не привыкать мне старой, доченька, не привыкать.

Алиса слушала бабушкин рассказ и при этом смотрела на неё с сожалением или скорее уважением.

А я решил узнать своё: чем всё-таки обеспокоил бабушку наш приезд.

– Я, бабуль, хоть тебя давно не видел, всё же замечаю, что-то тебя сильно тревожит.

Сделав небольшую паузу и тяжело вздохнув, она ответила.

– Дед Петя ходить начал, поэтому беспокоюсь я.

От услышанного я чуть не подавился, а вот Алиса, не совсем поняв сказанное, вставила.

– А-а, он раньше не ходил, что ли? Чего беспокоиться, раз пошёл человек?

Последовала затяжная пауза в разговоре, с минуту сидели в тишине.

– Ну почему же, ходил, конечно, – ответил я и бросив чайную ложку в свою уже пустую кружку, добавил, – пока не умер...

После моих слов бедняжка поперхнулась.

– То есть как это, – умер?

– Да вот так! Не знаешь, как люди умирают? – Не желая развивать тему, я подмигнул ей правым глазом и скорчил гримасу, мол, – «Потом... всё потом».

Мне удалось сменить эту неприятную тему на другую и мы, ещё немного поговорив о житейских вещах, решили ложиться спать. Времени уже около двух или трёх часов ночи.

Бабушка постелила кровать в комнате, где я жил в детстве и, пожелав спокойной ночи, оставила нас с супругой наедине.

Закрыв дверь, я ещё по старой привычке накинул на неё крючок и начал осматривать комнатушку при уже привычном моим глазам тусклом свете зажжённых ранее свечей.

Собственно, рассматривать и нечего. Здесь тоже осталось всё как раньше: прямо от входа в дальнем левом углу стояла сеточная кровать с периной и подушками, над ней два окна, одно из которых выходило на калитку, другое в огород. Справа от дверей громоздкий шкаф, в нём я когда-то хранил игрушки, возле него чёрный комод, служивший также и письменным столом; справа был патефон на табуретке. Пол и потолок такие же, что и на кухне (во всём доме, тоже).

Не хватало только другого шифоньера, с книгами. Куда-то его «потеряли», а там, где он стоял раньше, на глухой стене осталась висеть лишь одинокая, большая картина «Три охотника». Маленьким, когда просыпался с утра, всегда любил её подолгу рассматривать.

Эх, одна ностальгия – да и только!

Алиса уселась на кровать и как ребёнок стала на ней подпрыгивать.

– Слушай, а чего там бабушка про старика, который ходит, говорила?

– Не обращай внимания, – ответил я, раздеваясь, – думаю, это у неё возрастное. Старушка давно не молодая, брата вон потеряла, столько лет вместе бок о бок жили, считай. Да и потом, я ж тебе рассказывал: в наших краях упорно ходили суеверия об оживших мертвецах! Наверное – это и послужило поводом для её старого воображения.

– Мне как-то не по себе от этого, а тебе?

– Вообще, наплевать! В детстве и не такого наслушался. Давай спать уже! Это ты всю дорогу дрыхла! Я всё-таки целый день и ещё полночи почти за рулём просидел.

Быстро раздевшись и накинув на себя специально привезённый для сна халат, жена устроилась возле стенки, я лёг рядом, с краю. Только приятно расслабился и начал засыпать, она стала толкать меня локтем в бок.

– Я вроде не храпел.

– Закрой калитку, – прошептала супруга, – она меня пугает. Всё мне кажется, там вокруг забора кто-то ходит и сейчас в неё к нам зайдёт.

– Какую ещё калитку? – не понял я.

– Вон, там! – Указала она рукой прямо на окно, в котором я, кроме темноты, ничего не увидел.

– Издеваешься? Как ты рассмотрела, что калитка открыта? Луны уже нет, тьма на улице – хоть глаз коли! Спи давай лучше... калитки ей всякие мерещатся... спать меньше надо, когда муж целый день баранку крутит!

Только отвернулся от неё в другую сторону, давая понять – разговор окончен; как она громко вскрикнула, испугав меня так, что я вскочил с кровати и уставился на Алису, ожидая объяснений.

– В окно кто-то смотрел к нам! Страшный очень... старик, кажется!

Я посмотрел, куда она указала и по-прежнему помимо черноты ничего там не увидел.

– Успокойся Алис, это всё мои байки в дороге, плюс бабушкин маразм на твоё воображение влияет.

– Нет! Честно, в окошко смотрел кто-то. Пойди, глянь.

– Вот ещё, – возмутился я, – мы в фильм американский попали? Не пойду я никуда, в дом он не войдёт, так что, пусть на здоровье ходит себе там! Может, цыгане какие металлолом собирают или перины! Могу тебе шторы закрыть, если хочешь, чтобы зловещее окно больше не пугало маленькую девочку. – После этих слов я мирно залез обратно под тёпленькое одеяло.

– Очумел?! Какие ещё здесь цыгане? – Не унималась супруга, – сам говорил здесь нет никого и ночь уже! Давай иди! – едва не столкнула она меня с кровати, – я не отстану от тебя всё равно!

Что делать? Пришлось переться во двор.

Накинул на себя старую рубаху, взял с кухни топор и отправился проверять, кто ходит возле избы.

Разумеется, я там никого не увидел, только калитка и вправду оказалась открытой, хотя я точно помнил, как закрывал её! Что ж, решил не раздувать из «мухи слона», запер снова, на этот раз плотнее; после отправился спать.

Только я развернулся и начал уходить, вдруг в нескольких метрах от меня, за забором послышались громкие шорохи, затем, вообще, раздался такой звук, словно кто-то в кованых сапогах побежал прочь от нашего дома. Это немного встревожило. Но, ненадолго – мало ли кто там мог быть? Может, просто заяц или ёжик, другой зверь какой-нибудь (сапоги, наверное, почудились). Поэтому я вернулся в дом и снова занял своё законное место рядом с законной женой.

– Ну что там? – Спросила Алиса, когда я лёг.

– Ничего... тут дикая природа, звери разные ходят, не обращай внимания... калитка правда была открытой... но, я закрыл! А ты давай, носом в подушку и не смотри на окно!

– Там стоял человек, я ещё с ума не сошла. – Не унималась она.

– Может, и был! – согласился я, – здесь же ещё остались люди в деревне! Услышали звук машины, вот и решили пойти посмотреть. У стариков часто бывает бессонница, вот и шаркаются по ночам от безделья.

Она хотела ещё что-то сказать, я её перебил.

– Тебе колыбельку спеть, чтобы ты уснула? Правда, Алис, давай завтра всё обсудим, у меня голова уже чугунная, не соображает, я очень устал сегодня. Если не посплю, самому начнёт НЛО грезиться.

– Спокойной ночи. – Наконец, сдалась жена и отвернулась к стенке.

Проснулся рано – разбудил бабушкин петух. Супруга ещё крепко спала и я, аккуратно поднявшись с постели, чтобы не разбудить её, решил пойти на улицу.

Едва вышел на крыльцо, как недавно взошедшее солнце ослепило меня, а свежая, пока ещё майская, утренняя прохлада, в долю секунды прошла через всё моё тело, пустив мелкую дрожь.

Природа ощущалась сполна: от свежего воздуха немного кружилась голова, от пения птиц успокаивались нервы. Казалось, весь день буду чувствовать себя легко и весело, но только я вышел во двор и стал его рассматривать, настроение сразу стало портиться.

Теперь, когда на улице светло, я мог рассмотреть свой родной дворик сполна!

В отличие от домашних комнат, которые изучал вчера вечером, здесь всё сильно изменилось и пришло в упадок.

От многих плодоносных деревьев, где когда-то росли яблоки, вишни, черешня и сливы, остались лишь подгнившие и поросшие неизвестными мне грибами пеньки; местами между грядок с помидорами и огурцами виднелась непрополотая трава. Когда я был маленьким, в огороде не водилось ни одной лишней травинки; ни каких сорняков и даже опавших листьев! Но, тогда был жив дедушка, я помогал как мог, бабушка была моложе.

Где раньше стояла большая теплица, остались лишь неровные деревянные столбы, пару битых стёкол рядом с ними. Колодец весь покосился и, на первый взгляд, казался давно брошенным; остальные хозяйственные постройки также подверглись разрушительному влиянию времени. Ай – что там говорить? Дому с огородом нужен хозяин, иначе он начинает «умирать».

Сама изба, покосилась на левую сторону и немного ушла под землю, а брёвна, из которых она сложена, порядком ссохлись и местами полопались, не говоря уже о том, почерневшем шифере на крыше. – «А ещё говоришь, помогать особо не надо», – вспомнил вчерашние бабушкины слова.

Идти и посмотреть, что случилось с нашей баней, мне стало просто страшно, и я решил хоть как-то отвлечься, отогнать от себя навалившуюся меланхоличную грусть.

Бабушка возилась в сарае со скотиной, решил пока её не беспокоить и пошёл обходить дом по своим утренним, естественным делам. – «Надеюсь, пол в туалете не прогнил хотя бы, а то, не дай бог, провалюсь!» – подумалось мне.

Когда завернул за угол и вышел к тому окну, через которое Алиса ночью, якобы видела старика, то обнаружил на его стекле оставленные чьими-то руками следы глинистой грязи. Словно и правда, кто-то подставлял свои вымазанные ладони к нашему окну, чтобы лучше рассмотреть, что же происходит внутри. – «Странно, ведь дождь не шёл давно, сухо кругом, откуда тогда грязь? Неужели правда, ночью во двор заходили незваные гости? Хотя-я, – какая разница?! Не обокрали, ничего не разбили, обычное деревенское любопытство». – Подумал я, но на всякий случай решил протереть стекло влажной тряпкой, пока супруга спит, чтобы не заметила и лишний раз не беспокоилась, – «Раздует опять из мухи слона!»

– Чего там возишься? – Окликнула меня вышедшая из сарая бабушка.

Протерев окно, я отбросил тряпку в стоявшее возле стены ведро, и вытирая влажные руки об собственные брюки, подошёл к ней.

– Ай! Алиске ночью привиделось, что в окно старик какой-то смотрел, я вышел на улицу, – никого! Только открытая калитка была, а сейчас глянул: на окне грязные следы!

Ну, протёр, чтобы девушку лишний раз не пугать. Может, соседи по деревне любопытствуют, как думаешь?

Старушка помедлила с ответом опустив свой взгляд на землю, потом покачав головой и поставив железное ведро на тропинку, тихо ответила:

– Нет... это всё покойный дед Петя! Я ж говорю, – ходит он! Не упокоился с миром прах его... нужно что-то предпринять! Только ты не волнуйся, – подняла она голову и посмотрела мне в глаза, – тебя он не тронет, а вот...

– Бабуль, – перебил её я, – хорош об этом! И слышать ничего не желаю о бродячем покойнике деде Пете! Чушь! У меня к тебе просьба одна по этому поводу: ты при Алиске подобных тем вообще не заводи.

– Поняла я, неглупая! – махнула бабушка рукой, словно обидевшись, – просто волнуюсь за вас.

– Не стоит! Я это... пойду по деревне погуляю, – резко сменил тему, – давно здесь не был, ностальгия, так сказать. Тогда жена как проснётся, покорми её там, подскажи, где умыться, в туалет сходить... чтоб не провалились только. Да, ещё скажи, что я скоро вернусь. И-и-и... помни о моей просьбе!

– Ступай с богом. – Ответила хозяйка и прихрамывая пошла в дом, нашёптывая что-то себе под нос.

Я проводил её взглядом.

Да, она и вправду похожа на ведьму: сгорбленная, с седыми волосами, вырывающимися и выющимися из-под платка, даже когда нет ветра! Хромая походка, сухие руки с мозолями от нелёгкой жизни, лицо... да! Особенно похожа лицом: нос крючком, много морщин возле губ, словно она всю жизнь со злостью их сжимала (хотя чаще видел её улыбающийся и, вообще, не помнил, чтобы бабушка злилась), большая бородавка на правой щеке возле носа и маленькие, «лукавые» глаза.

Почему я это заметил только сейчас, при дневном свете, а не вчера при керосиновом? Или когда был ещё маленьким? – «Так, с этой мистикой и с ума можно сойти! И, как бы там ни было, она моя любимая бабушка, да и в то, что она колдунья, я никогда не верил, не верю и сейчас; внешность – она обманчива!»

Переодевшись в старую одежду, которая нашлась в гардеробе я, широко зевая, отправился ностальгировать по улочкам своей родной деревни.

Глава 6. Тётя Вера

Когда я шёл по родной деревне, по этой неровной, поросшей травой дороге, вдоль которой стояли, а местами и лежали электропроводные столбы, со свисавшими на них ошмётками голых, алюминиевых проводов, то с трудом узнавал родные места.

С правой, левой стороны виделось одно и то же: заброшенные избы с заколоченными досками окнами, дома различались между собой разве, что, состоянием. Одни поприличнее сохранились, другие полуразрушенные, третьи с поваленными стенами и крышами.

Всё это окружали сгнившие заборы, за которыми находились объятые бурьяном и деревьями огороды. Но главное и тяжёлое для меня – всюду царила пустота. Полное отсутствие людей.

Видимо, те жители, которые ещё остались в деревне, предпочитали проводить время на своём участке, а не гулять по заросшим улицам.

Прошло всего-то десять лет (и то, с округлением) как я уехал отсюда, а так деревня изменилась: всё превратилось в труху и разруху.

По дороге не скачут больше лошади, запряжённые в повозки и подгоняемые нагайками своих наездников; неслышно весёлых мелодий гармошек, пения старушек; тракторов с полей. Подвыпивших с утра мужичков и их перебранок с жёнами; не бегает по округе детвора; нет ни велосипедов, ни мопедов с мотоциклами, ни обычных прохожих. Нет заливистого лая собак, которые раньше шумели в деревне днём и ночью, зато, вместо них из леса теперь стали подвывать волки, правда, только когда темно (так сказала бабушка).

Конечно, весь этот вид, напустил на меня очень меланхоличное настроение.

Когда обошёл всю деревушку вдоль и поперёк, обнаружил ещё четыре жилых двора, не считая бабушкиного. Возле одного из них я увидел припаркованную у ворот машину «Ниву», а из дома доносился звук топливного генератора, – «Это, наверное, они возят бабушку за пенсией и привозят продукты», – догадался я.

Позже, достаточно нагулявшись, решил зайти к бабе Vere, той самой, которая написала мне письмо и попросила приехать сюда.

Поднялся на крыльцо, постучал к ней в дверь, и она открыла, возникло такое впечатление, что меня здесь ждали.

Встретила односельчанка меня с радостью, улыбкой и самым тёплым гостеприимством, а главное – с той искренностью, о которой я в столице давно позабыл.

Эта пожилая женщина, никогда не считала себя старой и обижалась, если её звали бабушкой, а не тётей (поэтому дальше продолжу называть её именно так), являлась противоположностью моей старушке по внешности.

Теть Вера человек весьма плотного телосложения, немного выше моих 178 сантиметров ростом; сколько составляет её вес в килограммах, я угадывать не берусь. Про подобных на Руси говорили, – «Такая баба в горящую избу войдёт и коня на скаку остановит». Хотя она была примерно ровесницей бабушки, где-то явно за семьдесят лет (настоящий возраст своей старушки я никогда не знал, она всегда говорила, что и сама давно не помнит), на лице её почти не проступали морщины. Волосы у неё наверняка давно поседели, но она всегда подкрашивала их в каштановый цвет.

Хозяйка впустила меня в дом. Мы присели с ней за плотно сбитый дубовый стол.

Изда эта почти такая же, как и наша: у нас в деревне, все дома по общему строению одинаковы снаружи и внутри. Разница небольшая: такой же метраж, окна, печь, количество комнат и их расположение. Отличия составляла лишь мебель и её обстановка.

Здесь не сушили на стенах всякие травы, из-за чего отсутствовал характерный резкий запах, вместо них висели различные рукодельные коврики, сама, наверное, вязала; выжженные на досточках картинки. Ещё мне показалось, что в её хате гораздо светлее, чем в бабушкиной, может, из-за обилия белого цвета?

За чаепитием я честно всё рассказал тётъ Вере о себе, даже о том, в каком браке состою и, конечно, о событиях минувшей ночи. Как ни странно, она этому ничуть не удивилась.

– Я могу поговорить с тобой о странных вещах, чтобы ты правильно меня понял и не принял за дуру?

– Разумеется, тётъ Вер.

– Тогда, что могу сказать, – начала она говорить шёпотом, – в нашей деревне всегда в неупокоенных мертвецов верили... может, и вправду ходит. Бабки, что по соседству ещё остались тоже говорят – видели они деда Петю.

– Вы всерьёз думаете, что такое возможно? – с улыбкой поинтересовался я.

– Не думаю, а знаю! – подняла она указательный палец левой руки к потолку, – так что, будь поосторожнее, тебя-то он не тронет.

– Почему? По преданиям упыри, наоборот, предпочитают изводить своих родственников или близких друзей.

– Э-э-э. – Загадочно протянула женщина, ближе подсаживаясь ко мне, – не забывай Саш, что род у тебя особый. Ведь по твоей линии страшные колдуны велись ещё со времён Грозного царя! Это всем в деревне известно. – Провела она воображаемый круг по столу, – разве не помнишь, как десять лет тому назад дед твой помирал тяжело? Всё руки к тебе тянул, а старухи тебя по очереди караулили, отгоняли от него. Это неспроста! Колдун перед смертью силу должен передать или страшной кончина его будет! Он не передал, вот и умирал в мучениях, что только не делали: и потолок прорубали над ним, и соль сыпали, и тазик ставили под кровать. Всё одно, три дня мучился, – видать, сам чёрт его изводил!

– Вы хотите меня напугать? – С иронией спросил я.

– Нет. Я говорю, как есть, как знаю! А ты лучше послушай меня: тебя он не тронет, а вот жену твою, может попробовать извести. Энтю и бабушки твоей касается, тебе она зла ни в жизнь не сотворит, даже если и захочет, а вот Алисе твоей, ещё как может... держи ухо востро!

– Хм... может, нам просто уехать обратно в Москву, вот и всё?

– От нечистой силы не убежишь. – Покачала тётъ Вера головой, – конечно, отец тебя тогда забрал и всё вроде хорошо закончилось.

– Допустим, – предположил я, – что плохого в том, если бы дед мне и вправду силу особую передал? Сейчас на подобных делах большие деньги делают, в том числе те, у кого и способностей никаких нет. Просто люди у нас доверчивые, идут к разным «магамам» и гадалкам за утешением и платят при этом им неплохо! А раз уж сила настоящая есть, можно и миллионы на этом поднимать!

– Хах, – усмехнулась собеседница, – это вы сейчас, пока молодые, так думаете, а в старину колдовства боялись! Ведь если колдун в деревне, кому он вредить должен?! Правильно – местным! Это и падёж скота, и засухи, и неурожаи, болезни разные, даже смерти людские! Поэтому люди всегда с теми, кого подозревали в связях с нечистым, жестоко расправлялись.

– Пусть так, – снова согласился я, – почему тогда деда моего не трогали? Ведь вся деревня говорила, что он колдун? Чуть ли не с самим Дьяволом водку в день Ивана Купала попивает?

– Очень просто! Боялись его больше чем самого чёрта! Прости Господи! – перекрестилась женщина, – сильным он был колдуном, очень сильным. Родовым! А отец твой почему-то не стал продолжателем его дела и тебе не позволил, вот связь и оборвалась. Когда старик умер, вся деревня страшилась, что он упырём станет, собрались мужики и... – на этом месте она прервала рассказ.

– Продолжайте, ничего страшного. – Мне стало интересно дослушать до конца деревенскую байку.

– Решили они разрыть могилу и как полагается в таких случаях, кол осиновый в сердце вбить! Только одно скажу, когда в первую ночь мужики наши на кладбище пошли, так вернулись такими напуганными, что слова с них вытянуть не могли. Мы всё боялись, что они заиками на всю жизнь останутся!

– Чего же их напугало? – долил себе в кружку кипятка, очень уж вкусным оказался напиток из самовара тётъ Веры, первый раз подобный отвар пил.

– Тогда ночь тихая стояла, даже ветер не дул. Мужчины, их пятеро собралось, понятное дело, для храбрости самогону выпили и пошли с нужными инструментами на погост. Только они в холм могильный лопату воткнули, как молния в ближайшее дерево ни с того ни с сего резко ударит! – Стукнула хозяйка кулаком по столу, едва не перевернув кружки, – да так сильно, что дерево вдоль пополам расколосось и сразу ветер сильный поднялся, чуть с ног не сбивает! После этого могила деда твоего затрещала и слабым синим светом из щелей начала светиться. Потом, с непонятным шумом, медленно из-под земли стал гроб наружу выезжать, будто толкали его оттуда снизу вверх! Только он полностью вышел из-под могильной земли, тут же изнутри начал покойник сильно биться, крышку пытаюсь открыть! Она же гвоздями заколочена. Ждать, когда гроб откроется, ясное дело, никто не стал. Все мужики: руки в ноги и до деревни бегом, крестясь, без оглядки!

– Больше на кладбище никто не ходил? – предположил я.

– Ночью нет. – Тихо ответила старушка, – днём, всем селом пошли, вырыли его, а он лежит там в гробу как живой, аж пот на лбу выступал! Кол вогнали, здоровый такой, – показала она руками его размер, получилось метра полтора, – и покойничек завопил, да так громко – жуть! До сих пор, как вспомню... дрожь по спине идёт! После ещё одной «смерти» дедушки твоего, тогда уже окончательной, мы решили, порядка ради, его ещё и сжечь, а прах потом обратно в гроб сложили, так и зарыли.

– Почему нельзя сразу днём пойти? – Спросил я, – зачем именно ночью на кладбище переться? Что за Голливудские предрассудки?

– Стеснялись просто. Главное, все в упырей верили, но признаться боялись. Потом и не все их, мужиков наших, понять бы смогли: на кладбище то на этом, сколько деревень соседних хоронило раньше; днём кто-то из живых да бывал там. Из-за этого и пошли ночью, на свою беду.

Тётъ Вера закончила рассказ. Мы сидели молча, подыскивая нужные слова. За окном резко подул сильный ветер, бросив песчанки пыли нам в окно, словно просился войти, от этого мне сразу захотелось прервать неловкую паузу в разговоре.

– Скажите, тётъ Вер, а зачем вы мне всё это рассказываете?

– Чтобы знал ты Саш, чего тебе следует ожидать. – Она ответила так быстро и чётко, что я подумал, именно этого вопроса и ждала.

– Если правда, этой ночью ко мне мертвец заявится, что делать? – Как можно натуральнее, будто и правда во всё поверил, спросил я.

– Бабушку звать, она знает на него управу, захочет – поможет. Вообще, осталось тебе наследство от деда, вот, только где его твоя старуха прячет... не знаю.

– И что он оставил? – Удивился я.

– Книгу, самую что ни на есть колдовскую! Старинную, ей лет четыреста, а то и все пятьсот! От отца к сыну передавалась! Не знаю Саш, что в книге той, но страшная сила там таится – это к гадалке не ходи. Попробуй сыскать её, тогда тебе ни один мертвец не страшен. Больше скажу, – собеседница приблизилась ко мне и перешла на шёпот, – сам вызывать подобных деду Пети с того света сможешь!

Я бы усмехнулся тогда от услышанного, но уж таким тоном это сказала тётъ Вера, что веселиться желания не возникло никакого. Просто сменил тему, так же, как сделал это прошедшим вечером с бабушкой.

– Здесь же леса вокруг вас, считай дикие, наверняка есть охотники, браконьеры, не мешают?

– Бывают, очень редко, но бывают. Выстрелы порой слышно, когда охотятся где-то поблизости, в основном ночью. Скажу тебе – это даже хорошо!

– Чем?

– Волков отстреливают и отпугивают. Иной раз волки ночью знаешь, как завоют. – И она продемонстрировала. – У-у-у-у!

Сделала это женщина так неожиданно и громко, что я вздрогнул и едва не уронил кружку с горячим отваром на себя, чем рассмешил хозяйку дома.

– Бабушка твоя этих волков даже подкармливает, ничего не боится старуха! – Снова вернулась она к обсуждению моей семьи.

Допив остатки тёплой жидкости, я сказал:

– Ладно тётъ Вер, засиделся я у вас, пойду домой. Жена, наверное, давно проснулась. Не хочу её наедине со своей бабушкой надолго оставлять, особенно после ваших историй. Какими бы у нас с ней отношения ни сложились, в обиду давать я её не намерен.

– Бабушку попроси, она к тебе так жену приворожит, что та на край света пешком за тобой пойдёт.

– Нет уж, я как-нибудь сам свои семейные дела разрешу. Всё, пойду я. Правда, засиделся у вас.

– Погоди милоч минутку, я сейчас. – С этими словами она ушла в другую комнату, – когда вернулась, в руке у неё находился свёрток, который был вручён мне в руки, – держи!

– Что это? – Не понял я.

– Обрез из ружья! Муж мой, царствие небесное, делал при жизни. Он же, кстати, с теми мужиками ночью деда твоего откапывать ходил. Здесь, главное, патроны самодельные, дробь серебряная. Если дед Петя придёт ты его и угостишь из обеих дудок! Убить его это не убьёт, но, поранит и отпугнёт точно! Вот тебе ещё несколько патронов, больше нет, если найду в сарае ещё, тогда зайдёшь, возьмёшь. Только бабушке своей не говори, что я тебе это дала, ворчать начнёт, ещё проклянёт.

Обрез я, конечно, не взял, сказал, что справлюсь сам. А уж если сильно понадобится: зайду к ней в другой раз и тогда возьму.

Рассказывать о том, что я тогда подумал и почувствовал, пожалуй, не стоит. Просто поблагодарил хозяйку за гостеприимство и направился к своей избушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.